

18+

Светлана Никанова

Вариации

на тему бессмертия

Светлана Никонова

Вариации на тему бессмертия

«Издательские решения»

Никонова С.

Вариации на тему бессмертия / С. Никонова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988815-0

Мысли о потустороннем мире и смерти с давних времен волновали людей. Что ждет нас там, за чертой? Что, если реализуются все наши мечты? Ждут ли нас? Присматривают ли за нами при жизни? Можно ли предугадать отказ близкого человека от борьбы? И каково бремя бессмертия? На эти вопросы и многие другие отвечает Светлана Никонова в своем сборнике рассказов.

ISBN 978-5-44-988815-0

© Никонова С.
© Издательские решения

Содержание

Вступительное слово	6
Ладья Вечности	8
Кафе для облаков	27
Всезнающая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Вариации на тему бессмертия

Светлана Никонова

Корректор Елизавета Александровна Петровнина

© Светлана Никонова, 2020

ISBN 978-5-4498-8815-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступительное слово

Мысли о потустороннем мире и о смерти наводят тоску и ужас. Они лишают надежды.

Чаяния божественного мира, мира идеального, где царит вечное райское блаженство, рождают веру и погружают в мистический экстаз. Они даруют надежду.

Столкновение с прекрасным произведением искусства вызывает эстетический восторг.

Мир божественный реален и плотен в своем бытии, но так же и смерть неотвратимо реальна.

Искусство создает вымысел, уносящий нас в сферу воображения. Оно сладостно, как улетающий сон.

Все эти миры так различны! И все же не стоит ли задуматься о том, что все это – одно и то же?

Трансцендентное божество находится по ту сторону здешнего мира, метафизическая сфера идей взывает, словами Платона, к «упражнению в умирании», обещая блаженство за пределами жизни, в то время, как смерть окутывает ужасом и кажется полной хтонических чудищ. Однако сами чудища тоже находятся по ту сторону здешнего мира, только в них воплощается неким мифическим образом страх, а идеей светлого божества – надежда.

Критическое и рациональное мышление кричит нам: это все иллюзия! И миф превращает в искусство, в подобие сна. Искусство же возводит на пьедестал, утверждая, что здесь именно – корень совершенства, и в его творческом порыве – глубочайшее проявление человеческого и надежда на бессмертие.

Творческий порыв утверждает жизнь против всё сметающего вихря небытия, но только на фоне этого вихря жизнь оказывается чего-либо стоящей.

Круг замыкается, вымысел и реальность сливаются. Ужас смерти и чаяние бессмертия оказываются одним и тем же стремлением. И оно же влечет нас, словно Алису в кроличью нору, в мир фантазии. А фантазия увлекает от бренной жизни в жизнь вечную. Только смертное может быть бессмертным и только конечное может быть бесконечным.

Смерть, божество и искусство; потусторонний мир, фантастические духи и художественный вымысел; хтонические чудища, совершенный идеал и глубинная человеческая страсть к творчеству – вот три главные темы представленных здесь рассказов, три стороны одной и той же надежды, три вариации на тему бессмертия.

Ладья Вечности

Ладья Вечности (этюд из анти-кафкианского мира)

*Мир не зависит от моей воли.
Даже если бы все, чего мы желаем, произошло,
все же это было бы только, так сказать, милостью судьбы,
так как нет никакой логической связи между волей и миром,
которая гарантировала бы это...*
Л. Витгенштейн

Однажды К. умер. Он долго был болен, кругом ходили какие-то люди, они шумели, скрипели половицами, гроыхали на улице, кто-то плакал, кто-то смеялся, кто-то настаивал на чем-то важном, кто-то за что-то кого-то корил. Женщина с изможденным лицом поправляла подушку. За окном моросило. В горле першило, и нестерпимо хотелось пить. Наконец, он не выдержал и умер.

Солнце робко проглянуло утром, позолотило старый паркет и заставило полыхнуть белизною накрахмаленную простыню. На столике у изголовья стоял стакан с водой, а в нем, как в большой линзе, играл лучик.

К. сел на постели и осмотрелся. Было тихо. Одежда лежала на тумбе, сложенная аккуратно. На дверце шкафа висел потертый, но тщательно вычищенный сюртук. Окно было запечатанным: за его болезнью никому недосуг было вымыть. Но, что ли, свет падал так удачно: оно казалось гораздо прозрачнее. За его прямоугольником рыжел край крыши соседнего дома и был виден кусочек неба.

Ничего не болело. «Может, я умер?» – подумал К. Он оделся, обошел комнату, потом соседнюю, выглянул в окно и вышел. Крутая лестница была пуста и мягко поскрипывала от шага. Мостовая еще блестела от давешнего дождя. Дом напротив выглядел как-то незнакомо, должно быть, его успели перекрасить. Пустота и тишь начинали угнетать, но издали чуть слышно замурлыкала мелодия. Видимо, где-то включили граммофон. Он повернул за угол, сверху хлопнуло окно, за стеной кто-то рассмеялся, вдали пробежала, поджав хвост, собака. За оградой высокого дома чуть дальше шевелила листьями пара деревьев, на скамейке у входа спиной к К. сидел старик, из-за его шляпы кольцами вылетал голубоватый дым.

Напротив красовалась лаковыми буквами вывеска книжной лавки. Прежде ее здесь не было. Открыли за время его болезни?.. В большом окне толпились нарядные тома. Он заглянул сквозь стекло. Молоденькая девушка со светлой челкой сидела в углу, склонившись. Заметив фигуру в окне, она подняла взгляд и улыбнулась. Он зашел внутрь.

– Вас что-то интересует?

– Да. Всё...

Девушка улыбнулась снова. Он оглянулся, посмотрел на полки, задержался взглядом на нескольких знакомых, но неожиданных названиях.

– Что нового? – спросил он зачем-то.

– Нового? – она наклонила голову, отложила книгу, которую читала, и вышла к нему. – Вот это только вчера появилось, – она указала вперед. – Новая книга господина А., сборник стихов господина Б., рассказы господина В... И еще один роман господина К.

Он вздрогнул.

– Господина К.?

– Да, да! – девушка подала ему книжку.

Он взял, взглянул и сразу отдал обратно.

– И что же? – спросил он тихо.

Она приподняла бровки.

– Хороший роман? – пояснил он.

– О, очень! А вы его знаете, да?

– Знаю кого?

– Господина К.: вы читали у него что-нибудь?

Он покачал головой.

– Нет, нет... не знаю.

– Ах, ну конечно... Вы, наверное, недавно здесь?

– Где?

– Здесь... – она присела на край стола рядом с ним. – Ну, в смысле, вы недавно умерли? – спросила она просто.

Он медленно повернулся, посмотрел на нее, потом сквозь стекло витрины, потом снова на полки и снова на нее.

– Пожалуй, – промолвил он наконец. – А вы – давно?

– Года два уже, – девушка беспечно откинула назад непослушную челку.

Он оглядел ее внимательно. Тонкие девичьи ноготки играли о край стола.

– Надо же. А выглядите, как живая.

Она рассмеялась. Потом нахмурила бровки и указала на книжку.

– Очень хороший роман. Рекомендую.

Он как-то виновато сунул руку в карман, ничего не выудил, отступил на шаг.

– Я не знаю... Как у вас тут принято?

– А... Вот что! Кстати, вы можете покупать в кредит. Но так вам нужно пойти в муниципалитет: всем вновь прибывшим там положена вот такая большая сумма! – она широко развела руками. – Но эту книжку я вам подарю, хотите?

– О, нет, нет, спасибо! – проговорил он и скорее выбежал прочь на улицу.

Он выбежал, остановился, взглянул прямо вверх и метнулся куда-то в сторону. И бежал, пока не выбился из сил и не обнаружил себя на большой улице, по которой ползли, переваливаясь и постукивая, коляски и автомобили. Он сел на край тротуара и обхватил руками голову. «Если я умер, то могу делать все, что угодно», – мелькнула мысль. Однако несколько прохожих с другой стороны уже бросали на него не столько удивленные, сколько понимающие взгляды.

– Любезнейший! – мягко проговорил кто-то сзади.

К. обернулся, вскочил и опрометью бросился дальше.

«Нет, вы хотите сказать, что все эти люди – мертвы?» – думал он, все еще нервно шагая по ставшему вдруг незнакомым городу. Ему уже представлялось, что он видит разряженные скелеты, степенно и безмятежно продвигающиеся мимо него. Но прохожие поглядывали тепло и незлобиво, и он с трудом спасался от этих приветливых глаз. Народу вокруг стало явно больше, машины оживленно гудели, пугая осторожных лошадей. Клерки спешили на работу, дамы приподнимали воланы юбок, обходя поблескивающие лужи. Когда он вышел, было, должно быть, просто слишком рано. Теперь же улицы были усеяны разнообразными витринами, кафе, ресторанами, афишами, лавками и всем, чем могут жить улицы цветущего города. Справа махала оторванными краем размалеванная афиша цирка, слева зазывал к себе в широкие двери огромный кинотеатр.

«Они едят, пьют, работают и развлекаются», – думал К. Но самому ему ничего из перечисленного вовсе не хотелось. Ему хотелось лечь и умереть.

Однако он пробродил в недоумении по этим улицам так долго, что, когда вышел, наконец, почти случайно, на центральную площадь, часы на башенке впереди как раз грозились пробить шесть. Примыкая к этой башенке вплотную и венчая площадь своей старинной отделкой, сбоку возвышалось здание муниципальной конторы. Видимо, только это неуклонное дви-

жение стрелки к закрытию ее дверей заставило его решиться и зайти. По крайней мере он был уверен, что там уже некому его принять.

Внутри оказалось пусто, тихо и как-то слишком чисто, а лестница была словно слишком широкой. За дверь в углу ворковали голоса, но она была плотно закрыта. Он проскользнул мимо и поднялся этажом выше, прошел по коридору, слушая, как гулко поскрипывает пол, и осторожно потянул за ручку двери с золоченой витиеватой надписью. Она не поддалась, он вздохнул облегченно и отпустил.

– Войдите! – раздался изнутри чей-то голос.

Он подумал, что можно незаметно сбежать, но, в конце концов, он должен был понять...

Он открыл дверь.

Напротив окна стояла перегородка, за перегородкой – стол, за столом сидел человек, на его носу иронически кривились круглые очки.

– Простите, – начал К. – Простите, я только хотел спросить...

– А, господин К.? – чиновник посмотрел поверх стекол.

– Да... Откуда...

– Я всех знаю, – пояснил чиновник, не слушая.

К. замолк.

– Так, сейчас посмотрим. Здесь только финансовые дела, – добавил он. – Надеюсь, вы получили причитающееся пособие?

– Н-нет... Какое?..

– Понятно. Вы рано ушли из дома?

К. молчал.

– Когда вы ушли? – казалось, полноватые губы чиновника заморщились снисходительной улыбкой.

– Не знаю... Рано, правда.

– Курьеры работают с девяти. Получите завтра утром, а если документы с собой, то сейчас в бухгалтерии. Сейчас посмотрим, что у вас есть еще.

– Но...

– Так-так... Так с собой у вас документы?

К. ощупал карман.

– Да.

Чиновник протянул руку, не глядя.

– Давайте. Итак... Господин К... Адрес... Каков ваш род занятий?

– В смысле?

– Чем вы занимаетесь? – он посмотрел укоризненно.

«Интересно, если всех знать – зачем спрашивать?» – подумал К.

– Пишу.

Чиновник снова смерил его ироничным взглядом с ног до головы.

– Ага. Вижу-вижу. Итак, – он шуршал бумагами. – Двадцать тысяч гонорара за сборник рассказов, тридцать тысяч за первые два издания дебютного романа, еще... да... десять тысяч...

К. смотрел на окно. На подоконнике цвела герань. На раме сидел мотылек. К. зажмурил глаза. «Если я досчитаю до десяти, все исчезнет», – подумал он и стал считать. Вечернее солнце светило в небрежно вымытое стекло. Чиновник протянул бумагу.

– Если бухгалтерия открыта, вам откроют счет прямо там.

«Господи, зачем? Где я? Зачем они все это издали?» – бормотал К., спускаясь по лестнице. Внизу звякнул ключ, застучали каблучки. «Закрылась». Он остановился и помедлил, пока все не затихло, потом спустился. Женщина с высокой прической ниже пролетом копалась в сумочке. Услышав шаги, она обернулась.

– А-а-а! Вы, наверное, ко мне? – затараторила она вдруг. – А я-то уже собралась уходить! – снова достала ключ и зашпешила к двери. – Проходите, проходите!

Она все оформила. Без вопросов, сама и быстро. Потом посмотрела на него внимательно и заговорила торопливо, словно давала секретный совет:

– Как вам тут, у нас? Чуть-чуть все по-другому, да? Да, да... Вот прически такие сейчас уже не в моде. Если не знаете, отсюда направо через одну улицу великолепная парикмахерская...

У него в ушах звенело. Совершенно уничтоженный, он с трудом добрался до своего переулка. Книжная лавка за углом была еще открыта, из-за ее застекленной двери вышел, почти столкнувшись с ним на ступеньках и вежливо раскланявшись, аккуратный старичок и направился, чуть шаркая, вдаль по улице. Когда К. вошел, молодая хозяйка лавки стояла, закинув вольно за голову руки, спиной к входу, и смотрела в окно с другой стороны. Но обернувшись, радостно заулыбалась ему.

– Ну как, освоились здесь? – спросила она весело.

Он пожал плечами.

– Простите, опять зашел к вам... Я просто живу на соседней улице... и ни с кем кроме вас сегодня... то есть, здесь... еще не говорил.

Она улыбалась по-прежнему.

– Живете рядом? Ах, замечательно, тогда заходите почаще, может, что-нибудь вас заинтересует, у нас много хорошего! Как, кстати, дошли до муниципалитета?

– Да, дошел... – он усмехнулся. – Знаете, оказался почти миллионером.

– Поздравляю! Это здесь бывает.

– Как-то странно: у меня никогда не было слишком много денег...

Девушка уже вытянула губки, желая что-то спросить, в этот момент дверь с шумом распахнулась, и в лавку вбежал на всех парах полноватый подросток, сразу, не обращая внимания на уже присутствующего посетителя, начавший быстро и не мигая круглыми глазами сообщать что-то снисходительно улыбающейся ему продавщице. К. отошел в сторону, присел на мягкую тумбу у столика, и стал разглядывать разбросанные по нему журналы.

Мальчуган выбежал так же стремительно и шумно, как и появился. Как только дверь захлопнулась за ним, тихо зазвенели часы на стене.

– Надо же, уже семь... – вздохнула девушка.

– Вы так долго работаете! – сказал К., вставая. – И совсем рано были открыты утром...

– Ах, это случайность: я просто оставалась здесь ночевать. Знаете, иногда остаюсь... Дома шумно, здесь можно посидеть, почитать в тишине...

– Скажите, вы называли сегодня несколько книг... кроме последней: я знал только двух авторов и ни одного названия. Скажите, здесь – тоже пишут?

– О да, конечно!

– Было бы интересно...

– Я могу посоветовать вам лучшее из того, что здесь написано, хотите?! – она забегала между полками. – Ну вот... Ну вот... Ах, всегда так трудно выбрать, но это – точно! – она остановилась, глядя на него своими ясными глазками, и положила перед ним несколько книг.

На этот раз он не стал медлить с покупкой.

– А господин К. вас все-таки не заинтересовал? Он пишет там, но там его, говорят, все еще мало кто знает.

– Нет, нет... – он запнулся на секунду. – Нет, я обманул вас... почему-то. На самом деле, так вышло, что я его читал.

Она снова приподняла бровки, но он уже заторопился к выходу, прижимая к себе только что купленную стопку завернутых в плотную бумагу книг. Однако в дверях помедлил и обернулся.

– Скажите еще... – произнес он. – Я вижу: здесь работают, развлекаются, едят, пьют, читают... пишут... Скажите: а умирают здесь?

Девушка наклонила головку и задумалась, моргнув немного удивленно.

– Не знаю... Как-то... Да... Наверное... – сказала она. – Да: ведь не живут же вечно?..

Он вернулся к себе, с некоторым трудом одной рукой открыл дверь и сгрузил, наконец, книги на стол. Теперь вся квартира казалась ему странной. Он еще раз обошел комнаты, открыл шкафы и выдвинул ящики. Там почти все было как будто на месте: какие-то бумажки, листочки, его черновики. Книги, разнообразные безделушки, даже несколько писем. Одежда, трость, новая шляпа, которую он купил как раз перед тем, как заболеть окончательно, и ни разу не успел надеть. Только какой-то ненужный хлам исчез. И все это – все это словно приведено было в какой-то порядок. Векселей не было и не было чеков, но они хранились, должно быть, у сестры, а она осталась там. На всякий случай он постучался в ее комнаты напротив, потом в комнату служанки, но никого не было и двери были плотно закрыты.

Он спустился на улицу и вновь пошел вперед в медленно нисходящих на город сумерках. Через два поворота наткнулся на приветливо зазывающее огоньками в окошках кафе. Внутри было довольнолюдно, но, на удивление, не слишком шумно. Голубоватый дымок сигар здесь и там змеился в неярком освещении. Таких кафе были тысячи и везде, но сейчас он оглядывал его с любопытством. Миновал столики, подошел к стойке бара. Чернобровый бармен с пухлыми, но проворными пальцами тут же обратился к нему, посверкивая маслянистыми глазами.

– Что желаете?

К. вспомнил, что за весь день не сделал даже глотка воды, и ощутил наконец мучительную жажду.

– Содовую воду.

– С виски? – бармен взглянул лукаво.

– О нет, нет, спасибо.

– А зря!

Он выпалил это так искренне, что К. пояснил немного ошарашено и неловко:

– Я не пью...

– Жаль. Вам бы, наверное, не помешало сейчас, – лицо бармена заморщилось улыбкой.

– Почему же?

– Ну вы ведь недавно здесь, верно? Новизна нервы треплет, – он подал воду.

Выпив ее с наслаждением, К. занял столик и заказал себе ужин. После чернобровый бармен сам вышел к нему со счетом и с дымящейся чашкой на серебряном подносе.

– Раз не пьете – наш фирменный шоколад – за счет заведения! – возвестил он.

К. смотрел на него снизу вверх напряженно. Он попробовал отказаться, что-то пробормотал благодарность и, наконец, спросил:

– Скажите, как это видно, что я здесь недавно?

Бармен вновь расплылся в лукавой улыбке.

– У вас растерянный взгляд... и старомодная прическа. Но это дело легко поправимое, уверяю вас!

Уже стемнело, когда К. вышел на набережную пересекавшей город небольшой, но живописной речки. Здесь было самое широкое место, справа чуть светился рыжими фонарями каменный мост, на другой стороне – огоньки окон; чуть отсвечивающие островерхие крыши и башенки поднимались по холму вверх и ровно вторились в блестящей полоске воды внизу.

К. долго смотрел, пытаясь угадать сквозь ночную тьму, насколько отличается этот вид от того, какой он много раз видел здесь раньше.

Наконец, он заметил чей-то пытливый взгляд, направленный на него сбоку.

– Господин К.? – спросил темноволосый молодой человек в потертой куртке, снимая с головы примятую шляпу.

– Да... – К. обернулся в недоумении. – С кем имею честь?..

Незнакомец улыбнулся радостно своими короткими реденькими усами.

– Я сразу вас узнал, сразу узнал!

Его звали Петер, он был художник. Пылкий взгляд его пробежал вдоль темного силуэта реки и вновь останавливался на удивленном лице перед ним.

– Любуется видом? – спросил он.

– Здесь все не так... Пытаюсь понять, что в нем изменилось, – ответил К.

– Ах, о да, здесь все не так – здесь лучше! Идемте, я покажу вам город! – воскликнул художник и увлек его за собой.

На следующий день К. проснулся поздно и немного успокоенный. Вдохновенный рассказ художника, свежие и опрятные корешки книг на столе, крепкий сон и добрая давешняя усталость делали одинокую комнату почти уютной и почти мирили его с неожиданностью мира, в котором он себя обнаружил.

На улице было нелюдно, но живо. Бодрый ветерок выхватил из раскрытого окна какого-то под старину выстроенного домика легкую салатного цвета занавеску. К. внимательно оглядывал те достопримечательности, которые предоставляли ближайшие улицы. Шляпная лавка, модный салон, банк, вокзал... Он зашел в парикмахерскую.

Высокий востроглазый человек долго мудрил над ним, потом, наконец, отпустил. «Почему они называют это прической?» – пробормотал, глядя на себя в зеркало, К. Парикмахер услышал, но улыбнулся самодовольно.

– У вас прекрасные волосы, сударь, у вас прекрасные волосы! Отпустите их немного – они будут лежать идеально. Будете выглядеть, как романтический герой! – щеки его сморщились и растянулись еще шире.

Выйдя чуть позже на набережную, К. увидел своего вчерашнего знакомого. Художник мелко чертил на бумаге, прислонив широкий планшет к парапету. Через плечо его за спину был закинут и смотрел вниз своим прикрытым глазом громоздкий фотоаппарат. К. подошел тихо и незаметно взглянул на рисунок. Внизу листа темнели закругленные отражения пролеты, по бокам едва ютились полупризрачные крыши, и почти все пространство занимали огромные крутобокие кучевые облака, в изобилии влекущиеся сегодня по небу над городом.

К. подошел ближе и встал рядом.

– Любуется видом? – спросил он.

Молодой человек просиял, обернувшись.

– Вышли на охоту, я вижу, – улыбнулся К., указывая на многочисленные принадлежности для запечатления пейзажей. – Замечательный рисунок: столько неба!..

Художник потупился скромно, но довольно.

– Петер, скажите... – продолжил К., глядя на штрихованные облака. – Скажите, здесь вам рисуется лучше?

– О, конечно, гораздо лучше! Никогда прежде мне так легко не рисовалось.

Он возвращался домой, нарочно плутая по узким переулкам старого города. Он вспоминал свое затихшее обиталище, и ему не хотелось видеть закрытые двери сестринных комнат. Однако, когда он подошел к углу своей улицы, еще даже не стемнело. В погасшие окна закры-

той книжной лавки бросал свои лиловые искры закат. На другой стороне, у ограды, украшенной тяжеловесным завитками, старик в широкополой шляпе по-прежнему выпускал в воздух клубы дыма своей нескончаемой сигары. За оградой и мягкой вуалью веток нежились в последних лучах высокие стены солидного дома, выстроенного в каком-то новомодном стиле. Над головой старика на каменной тумбе колыхался от легких дуновений белый листок. Это было объявление. Там продавались квартиры. К. остановился на секунду, чтобы прочесть. Старик поймал его взгляд и вынул сигару изо рта. Глазки его весело поблескивали под седыми бровями на смуглом лице.

– Что, интересуетесь объявлением, молодой человек? – спросил он. – А вы лучше зайдите, зайдите: хозяин как раз дома!

– Нет, нет, ведь уже поздно... – заспешил К.

– Сейчас поздно, зато потом вы его не застанете. Посмотрите: дом – чудо, просто роскошный!

Старик проводил К. наверх. Он оказался привратником. Хотя, скорее, он просто сидел и курил у ворот, пока ему не решили платить за это жалованье. Квартира была просторна, светла и красива. Хозяин был крайне приятен и приветлив. Окна выходили на улицу, под ними на ветру покачивались ветки. За ветками в мягком полумраке разгорались фонари. За ними зажигались окна. Внизу были видны ступеньки книжной лавки. На ступеньках, как тень, сидела кошка. Она встала, выгнула спину, повертелась вокруг себя и вновь села на то же место.

Он был богатый человек, ведь он был богатый человек... Он мог позволить себе остаться здесь, если ему этого хотелось...

«Здесь лучше, определенно лучше», – думал К., вновь глядя в то же окно – то ли о квартире, в которой жил уже несколько недель, то ли о мире, в котором оказался. Он прижал лоб к стеклу. Из левого угла с гомоном вылетела стайка птиц, пересекла пространство над улицей и удалилась за кирпичную трубу справа. По улице брели двое прохожих. Ребенок деловито мчался на самокате. Девушка в зеленых широких юбках открывала лавку. Девушку звали Анни. Узнав его имя, она онемела от изумления, а потом рассмеялась звонко: «А я предлагала вам ваши книги!» Она была такой веселой! Она смотрела с восхищением и ждала, должно быть, когда сможет выставить на свои полки что-нибудь из его новых творений. Внизу хлопнула дверь. Ветер бодро пробежал по веткам, вместе с ним откуда-то с других этажей донесся оживленный шум. Дневной свет настойчиво наполнял просторную комнату. Девушка распахнула приветливые двери лавки.

Он задернул шторы. Сквозь серебро их бархата день мерцал задумчивей и бледнее. Но здесь было лучше, определенно лучше. Внизу, невидимая сквозь густую ткань, за широким стеклом уставленной томами витрины маячила фигурка девушки, временами нет-нет да бросающей робкий взгляд на окна соседнего дома.

Здесь было лучше. Настолько лучше, что он пригласил ее составить ему компанию в театр на другой стороне реки. Она застеснялась, но пошла с радостью. Пьеса была любопытна, а публика – благосклонна. Выйдя из театра, они зашли в маленький ресторанчик. Анни желала пить вино, он заказал себе лимонад.

– Вы не пьете? – весело осведомилась она.

– Нет... Нет.

– А отчего же?

– Не знаю... Кажется, вредно?

– Вредно? – она рассмеялась.

Он смотрел на нее в удивлении. Это было смешно: вредно – здесь...

– Пожалуй, вы правы, – и он заказал вина тоже.

Чтобы прогуляться, возвращаясь, они сделали еще небольшой крюк и вернулись к реке по каким-то окраинным местам. Здесь улица переливалась в деревянный мост, а низкорослые домики спускались вместе с кустарником к самой воде. Последний вечерний свет еще окрашивал мягко темнеющее небо. Сбоку пузатый автомобиль зыркнул подозрительной фарой и исчез за поворотом. Все стихло. Они остановились посередине моста. Анни облокотилась об облупившиеся перила и подняла голову.

– Хорошо!.. – сказала она, глядя в небо.

Внизу река несла зеленоватые разводы, из глубины ее бледными тенями вздымались длинные водоросли.

– Река похожа на утопленницу. Видите, она пускает к небу зеленые пузыри, – К. указал вниз.

Анни обернулась, склонила головку и смотрела с веселой укоризной.

– Она очень узкая... Вам не кажется, Анни? – пояснил он.

– Нет, нет, так уютнее. Я бы не хотела, чтоб она была шире. Я бы, наверное, испугалась большого пространства...

– А мне кажется, я бы хотел...

«Я могу идти туда и могу идти сюда. Если я заверну за угол – там будет шляпная лавка, а дальше – кафе, справа в витринах стоят бледнолицые манекены с поднятыми руками и в блестящих одеждах. Перед дверью швейцар, кланяясь, пропускает вовнутрь. Это дорогой магазин, но там можно купить новый пиджак – и пойти в кино или в ресторан. Налево – высокий пассаж, за ним вокзал и банк. В банке можно получить деньги, а на вокзале можно сесть на поезд. Если приехать в соседний городок, там будет много деревьев, но тоже можно зайти в кафе и посидеть у реки – она там даже красивее, – погулять по липовой аллее, вернуться и успеть еще на обратный рейс. Сойти с поезда, дойти до своей улицы, поздороваться с соседом, который по-прежнему сидит и курит у парадной, подняться к себе, дождаться, чтоб служанка принесла ужин и поворчать, если она запоздает... Мне это кажется совершенно необъяснимым. Как я все это делаю? Откуда я все это знаю? Почему я уверен, что вокзал слева, а не справа? Почему я уверен, что он вообще есть, и смело иду покупать билет, даже не сомневаясь, что смогу вернуться обратно? Или, если я этому удивляюсь, то как же я все-таки иду? Иногда создается такое впечатление, что мои ноги обладают каким-то своим разумом и делают все, совершенно не советуясь со мной. И мои глаза тоже, потому что они смотрят равнодушно. Я пытался обмануть их: например, сесть в трамвай, переехать через мост, зажмурившись, и выйти уже на той стороне. И что же? Они ведут себя как ни в чем не бывало, как будто твердо и хорошо знают все наперед. Как такое может быть?»

Выслушав эту тираду, художник задумчиво потер пальцем свои короткие усы.

– А почему же ты думаешь, что этот разум – не твой?

– Ну потому что я-то этого всего не знаю... То есть я предполагаю, но я не уверен, а они как будто не сомневаются.

– Может, именно оттого, что не могут подумать?

К. составил ноги носками вместе, посмотрел на них, потом за решетку набережной на серую воду и покачал головой печально.

– Ну хорошо, – согласился художник. – Но разве не надо радоваться, что они приводят тебя именно туда, куда нужно, и там находится именно то, чего ты ожидаешь? Если это чудо – то, по крайней мере, очень удачное. Что тебя печалит?

– Меня это беспокоит, Петри, меня это очень беспокоит, – сказал К., посмотрев вдоль реки.

Ветер разбрасывал по его лбу темные пряди волос.

– Петри, – тревожно добавил он вдруг. – Тебе не кажется, что у этого моста было раньше три, а не четыре пролета?

Художник посмотрел в сторону приземистого строения, по которому отчаянно громыхал перекатывающийся через приподнятый горб трамвай.

– Нет, что ты, их всегда было четыре. С чего ты взял?

– Ты ведь рисовал его?

– Рисовал, даже фотографировал, покажу, там их четыре. Сбоку дополнительный, несимметричная конструкция, ты просто не замечал.

Дни текли медленно, К. уже, должно быть, неделю не выходил из дому, он даже не одевался к выходу, сидел в своей комнате в длинном халате, читал и пил вино. Вечером он выглядывал в окно: Анни, закрывая лавку, махала ему рукой. Она полагала, что он болен, и даже зашла поинтересоваться и спросить, не нужны ли лекарства. Старая служанка, оставшаяся еще от прежних хозяев, но явно считавшая себя не столько его прислугой, сколько попечительницей, приветливо зазвала девушку на чай и заставила его к ним выйти. Он был смущен, но пришлось подчиниться. Две женщины над ним посмеивались. Анни принесла новые книги.

– А вы когда что-нибудь напишете? – спросила она весело и побежала вприпрыжку вниз по лестнице.

Теперь он снова сидел в том же кресле и смотрел на страницу, которую уже долго не мог перевернуть. Мысли разбегались и улетали куда-то. Старушка шуршала в прихожей. Наконец, она заглянула к нему.

– Все сидите, сударь? Вышли бы на улицу, что сидеть взаперти?

Он отвечал печальным взглядом.

– Ну хоть окно открою. Смотрите, какое солнышко! Что вам на завтрак приготовить?

Он вздохнул напряженно, старушка махнула рукой и вышла.

За открытым окном удивительно ярко сияла на солнце черепичная крыша соседнего дома, а по ее скосу на ослепительно голубом фоне неба с натугой ползло вверх большое облако, семена маленькими тающими ножками и поводя перед собою загнутыми усиками, вроде большого насекомого или какой-то раздувшейся мыши. «Пожалуй, это вошь. Интересно, бывают такие пушистые вши?» – подумал он. Отвел глаза и снова посмотрел на раскрытую книгу. Что-то болело в щеке, как будто кто-то скреб там кость. Он встал и повлекся в ванную комнату расследовать этот вопрос.

На щеке определенно ничего особенного не было. Правда, лицо показалось ему опухшим. «Это вино. Видно, все-таки вредно», – решил он. Но это было бы нелепо: он пил совсем мало. Зеркало чуть туманилось с краю. Он взял бежевый обмылок и нарисовал прямоугольник вокруг отражения своего лица. Отступил на шаг и покачал в образовавшемся пространстве головой. Потом подошел ближе, пока там не оказались только нос и глаза. Нахмурился и вышел прочь. Служанка шла по коридору.

– Скажите, у меня опухшее лицо – это правда?

Старушка всплеснула руками.

– Да нет, что вы, у вас чистенькое симпатичное личико! Но вам бы не мешало...

Он закивал и поспешил скрыться в комнате.

Однако через несколько минут в дверь позвонили. Он поднял глаза. «Принесли белье из прачечной. Или это столяр пришел чинить порог. Тогда он поднимет шум и выгонит меня отсюда. Придется идти гулять. Хорошо, что прислуга еще не ушла...»

Из коридора донеслись приглушенные голоса. Наконец, то ли хитрое, то ли удивленное лицо старушки показалось в дверях.

– Это к вам, сударь, – сказала она, протягивая ему карточку.

Он взял плотный листок, вздрогнул и вскочил.

– Что сказать? Примите?

– Да... Нет... Да... – проговорил он, судорожно оглядываясь.

Господин Г., великий старый писатель, поэт, знаменитость... Нет, невозможно!

Но в двери уже маячило светлое и опрятное лицо в обрамлении седых волос: старая служанка не стала дожидаться ответа, решив, видимо, что общество ее подопечному будет полезно. Взглянув лукаво, старушка почти подтолкнула гостя к комнате и исчезла за дверью.

К. беспомощно стоял посередине своего нарушенного убежища.

– О, простите, ради Бога... я... моя служанка...

– Нет, вы простите меня за то, что врываюсь без предупреждения, – ласково ответил яснолицый мэтр. Он смотрел на стоящего перед ним и растерянно сжимающего полы темного халата человека в явном восхищении. – Я проездом здесь, хочу успеть на вечерний поезд. Специально завернул сюда, чтоб увидеть вас...

– Я не думал, что кто-то придет ко мне... – пробормотал К. – Должен переодеться...

Гость жестом остановил его порыв.

– О нет, нет, не волнуйтесь, не нужно. Не думаю, что можно выглядеть лучше, чем вы выглядите сейчас! Я представлял вас не таким... Вы прекрасны, совершенно прекрасны.

К. смирился, оглянулся вокруг.

– Тогда... Да... Садитесь, пожалуйста... Быть может, вина?

– Не откажусь! – седой писатель опустился на диван.

К. наполнил бокалы, однако сам приютился на табурет в углу, словно страхась сесть ближе к собеседнику или желая спрятаться за занавеской. Впрочем, будь здесь его друг художник, он, должно быть, в полном согласии с именитым гостем схватился бы немедленно за свою зоркоглазую железную машину для ловли мгновений, увидев, как сбросив на светлый лоб темные пряди вьющихся волос, живописно поместился он между блестящим краем раскрытого окна и серебристо-матовым бархатом портьеры, словно некий печальный дух в сретении света.

– Затихли в этом городке, я вижу, господин К... Должно быть, хотите отдохнуть? Это правильно... – писатель улыбнулся. – А ведь в столице только о вас и говорят: узнали, что вы здесь, ждут вас чествовать – только не решаются беспокоить...

К. опустил глаза.

– Называют вас лучшим писателем современности!..

К. опустил глаза еще ниже. Ему захотелось стать рисунком на портьере, мягкую поверхность которой он чувствовал за спиной.

– Вы пишете сейчас?.. – спросил господин Г., помолчав.

– Нет, не пишу... – К. покачал опущенной головой. – Не могу.

– Не можете или не хотите?

– Не знаю, – он поднял лицо и вперил взгляд прямо в глаза собеседнику. – Мне в голову приходят сюжеты и образы, какие никогда прежде не приходили, и слова для них, о которых прежде и не думал. Но только стоит наклониться над бумагой – как испытываешь что-то такое... Какую-то тошноту. Не могу себя заставить даже вести дневник. Ни слова. Беру перо – и думаю: зачем? Зачем это нужно?..

– Зачем? Но вас читают... – старичок говорил как-то отстраненно и мягко, словно из иных миров, в которых витало светлое сияние его улыбки.

– Не писать же только потому, что читают... – сказал К. тихо. – Скорее, читать должны потому, что пишут. Не знаю, зачем писать: кажется, здесь все само себя пишет.

Старый писатель приподнял брови и покачал головой.

– Возможно. Возможно, вы правы... – отозвался он.

– Интересно, есть ли смысл ждать тех, кого оставил там... живыми. Придут ли они сюда? – говорил К. художнику Петеру, прогуливаясь с ним по набережной и глядя задумчиво на мерно плещущиеся внизу волны.

– Да, наверное, куда же им деться? Придут. Но ждать? Это лет пятьдесят ждать можно. Да и... пожалуй, может, они и не придут именно сюда. У каждого свой рай...

– Рай!.. Это рай? – К. задумался. – Тогда, может, ад для всех один?..

На другом берегу, за спокойным и величавым пространством воды золотились на фоне выпуклых облаков тонкие шпили многочисленных башенок.

– Красиво...

– Да, правда!

– Шпили блестят в воде, как будто... – К. улыбнулся и протянул руку к открывающемуся простору, словно хотел что-то сказать. Но осекся и замолк.

– Как будто что?

– Нет, ничего, – он вздохнул. – Шпили как шпили, – он помолчал еще. – Петри, но признайся, эта река недавно была гораздо уже!

Художник только посмотрел удивленно.

– Ну хорошо... – они дошли до беседки, замыкающей край ровного берега, дальше набережная кончалась, уступая место плотно сомкнутым кронам парка, а тропинка шла в сторону и в гору. Откуда-то с воды доносилась музыка: скрипки и смех. Показалась и направилась мимо украшенная цветными шариками свадебная лодочка. К. взбежал по выщербленным ступеням и сел на скамью между тонких колонн дощатой веранды.

– А знаешь, я тут надумал жениться! – крикнул он сверху догоняющему его другу.

– Да ну! – бодро отозвался художник. – На ком?

– Анни, она держит книжную лавку напротив моего дома. Очаровательное создание!

– Прекрасно! Поздравляю, – художник наконец вошел под навес и смотрел веселыми глазами. – Что же, ты сделал предложение?

– Еще нет, но она согласится, это наверняка! – сказал К. беспечно, вновь встав и подойдя к парапету.

Ветер с силой подул в лицо.

Художник усмехнулся.

– Ну тогда рассказывай: какова же собой эта чаровница?

– Ах – какова собой!.. – К. прислонился к колонне. – Тебе бы все картинку нарисовать... Какова собой... – лицо его на миг вновь стало светлым, но тут же он вздрогнул и с силой стукнул рукой о шершавое дерево перил. – Нет, как положено говорить?.. Волосы, как пух, кожа, как бархат, глаза, как незабудки... или как звезды? Почему или то, или другое? Как незабудковые звезды. Как звезды в будках. Тьфу. Иначе. Ее руки, как крылья, и груди – как набухшие бутоны... роз, наверное? Или капусты. Черт! – он поморщился нервно, оглянулся, посмотрев на друга в упор. – У нее светлая челка, серьезный взгляд и веселый нрав. Но скажи – как может жениться человек, не способный найти ни одного приглядного слова для своей возлюбленной? Ни даже такого, чтоб оно сошло хоть для дешевого чтива!.. – и он быстрым шагом направился вверх по уводящим с набережной ступенькам.

Однако, возвращаясь домой, он все же зашел к Анни пригласить ее прогуляться с ним вечером у моря. «Там плавают яхты, усеянные фонариками, играет музыка и смеются люди». Она согласилась. Даже не переспросила ни слова.

В теплых сумерках они и правда гуляли у моря, оно было спокойно и ласково, по нему там и здесь беспечно скользили веселые треугольники огоньков, и искры отсветов рассыпались по темному, мерно колыхающемуся пространству до самого горизонта. Где-то играла чуть

скрипучая труба, и разморенные мягкой свежестью подходящей ночи пары безмятежно бродили мимо. Голоса, словно отраженные всплесками волн, звонко отдавались в воздухе.

Вдалеке пыхтел еле слышно огромный сверкающий пароход. Они шли к темной гряде деревьев прибрежного парка. Дошли до беседки – при рыжеватом свете фонарей она казалась больше. Поднялись по ступеням. К. взглянул на колонны, прохладный сероватый камень был чуть запыленным. На гладкой поверхности одной из них кто-то нацарапал уже немного стершееся бранное слово.

Анни остановилась у парапета и с улыбкой смотрела куда-то вверх и вдаль. Он встал рядом.

– Анни, – сказал он чуть нерешительно. – Анни... Вам не кажется, что это море еще недавно было узкой гнилой речушкой?

Она обернулась и покачала головой, но глазки ее лукаво сверкнули.

– Ах, вы в своем роде, господин К.! Признайтесь, работаете над каким-то большим и мрачным трудом? – она улыбнулась с нежностью, потом вновь посмотрела на переливающийся в темноте водяной простор. – Нет, так хорошо, что этот город стоит на море! Кажется, можно бы было задохнуться, если бы не было такой широкой воды...

О, она была прекрасна в этот момент, с чуть закинутой верх изящною головкой, с длинными светлыми волосами, небрежно сплетенными сзади и рассыпающимися по плечам тронутые завивкой локоны, в длинном летнем платье, спокойными складками ниспадающем вокруг ее стройной фигуры. «Олимпия!» – хотел позвать он и едва удержал себя от этого возгласа.

– Анни, – произнес он. – Анни... Вы так красивы...

Ночью дома его ждало письмо. Это писал господин Г. Он сообщал: один знаменитый богач, ценитель искусств и щедрый меценат, грек по происхождению и венгерский князь, устраивает большой прием, на который должны собраться виднейшие литераторы... К. среди приглашенных – приглашение не замедлит прийти на днях. Старый писатель умолял его принять это приглашение: сам он уже немощен и скоро уйдет, уйдет на вечный покой... Но хотел бы еще раз встретиться со своим молодым другом. Они могли бы встретиться по пути, например в ближайшем маленьком городке, и оттуда уже поехать вместе утренним поездом в сторону тех мест, где высится замок князя, там их встретит княжеский экипаж.

Приглашение принес ему через два дня высокий черноглазый и подтянутый человек в узорно расшитых одеждах. Через неделю намечалось отбытие. Он собирался, не особенно думая, хочется или не хочется ему ехать. Старушка-служанка качала головой то ли с довольством, то ли с грустью. Художник Петер пришел его проводить и помочь донести чемодан до вокзала к вечернему поезду, который рано утром доставит его в один городок, чтобы встретить там великого писателя. Впрочем, чемодан был совсем легким.

Анни как раз закрывала лавку. Она помахала рукой.

– Господин К., ну что же, уезжаете? Надолго?

Он улыбнулся и пожал плечами. Девушка протянула на прощание руку. Он подумал, что нужно поцеловать, но вместо того взял ее и пожал крепко.

– Прощайте. Прощайте...

Девушка смотрела им вслед. Она вздохнула и тоже улыбнулась.

Рано утром воздух был еще прозрачным и зябким, а робкие лучи серебрили влажные бока паровоза. К. сошел с высоких металлических ступенек, отдал свой багаж на попечение услужливым носильщикам и осведомился о прибытии поезда, который привезет сюда его знаменитого друга. Он должен был прийти с минуты на минуту. К. вышел на перрон, бездумно изучил попавшиеся ему на глаза объявления, обошел вокзал и глянул с любопытством на усаженную по кайме круглыми липами, начинающую оживать и согреваться площадь. Вернулся

на перрон, прошел несколько раз взад и вперед. Поезд задерживали. Странно. Задерживали. Почему-то. Наконец объявили: задерживают не меньше, чем на полтора часа. Он вернулся в здание вокзала, заказал себе кофе, сел за столик и закрыл глаза. Время текло удивительно незаметно, и казалось, что прошло не больше пяти минут, когда он услышал рядом радостный возглас, заставивший его очнуться: это господин Г. пробирался к нему между невпопад расставленных стульев.

– Простите меня, что заставил вас ждать! Я даже подумал, что вы уже уехали. Этот поезд – там что-то случилось, наверное, или его пустили по другой дороге: он шел, не останавливаясь, но почему-то гораздо дольше. Но мы опаздываем ко времени. Может быть, взять экипаж? Когда следующий рейс?

– Через три часа, – ответил К., улыбнувшись. – Но разве это страшно? Я даже рад, что можно посидеть здесь спокойно. Смотрите, все куда-то ушли...

Привокзальное кафе и правда было почти пусто. Свет из окон бросал зеленые отблески сквозь аляповатую вышивку подвязанных большими бантами портьер.

Но время шло незаметно настолько, что трудно было понять даже, быстро оно идет или медленно. Через три часа они все-таки сели в поезд, и мягкое постукивание зашумело вдаль среди холмистых предгорий. Ехать было как-то на редкость мирно. Господин Г. откинулся спиной к обитой грубой тканью стенке купе и светящимися глазами созерцал из-под усталых старческих век плывущие за окном пейзажи. К. погрузился в книгу, только что подаренную ему его спутником, который являлся, по совместительству, и ее автором. Он тихо шелестел страницами.

– Серые холмы этих мест, как хмурые воины в долгом походе: на лицах их жесткая щетина редкого леса и покатые голые шлемы на вершинах. Унылое однообразие...

Старик произнес это чуть слышно, должно быть, самому себе, а быть может, сочиняя какое-то новое стихотворение.

– Ничего, скоро мы поедем по берегу – будет веселее, – ответил К., не отрывая глаз от книги.

– По берегу? – старый поэт посмотрел удивленно. – По берегу чего?

– По берегу моря, конечно, – К. усиленно глядел в книгу.

– Но откуда здесь взяться морю? Вы не ошиблись?

– О нет, я специально смотрел карту, дорога идет по самому берегу! – К. поднял глаза наконец и оглянулся, ища карту, но карты не было, и он остановил свой взгляд на собеседнике.

– Да как же, я ездил по этой дороге много раз, она идет по самой глубине суши, – старик вздохнул ласково.

К. смотрел настороженно.

– Но ведь город, откуда я еду, стоит на море – не так ли?

Господин Г. кивнул удивленно.

– Да, конечно.

К. улыбнулся успокоенно.

– Ну так вот: это тот же берег, – он обернулся и всмотрелся в даль.

Поезд сделал мягкий и широкий поворот, рельсы впереди чуть блеснули на солнце. А вслед за ними среди холмов, между небом и горизонтом засверкала еще одна тонкая полоска. Она становилась все шире и ярче, солнечный свет играл в ее радостном трепетании. Поезд ехал к берегу, за пологими вершинами сходящих на нет холмов сияло море.

К. улыбался еще ярче, глядя восхищенно. Пожилой спутник его привстал в изумлении.

– Море, море, – пробормотал он. – Как же я его не видел раньше, думал, еду по безводной равнине... Смотрел в другую сторону или спал... Господи, как красиво!

К. откинулся назад и прикрыл глаза. Солнечный свет, отраженный водою, наполнил маленькое купе. Взглянув в сторону, он увидел теперь, где лежала дорожная карта: ее краешек торчал из-за толстого валика на сиденье. Этот краешек выглядел затершимся и потускневшим от многократного переминания. «Интересно, если взглянуть туда – есть ли там все-таки море?» – подумал К. Но ему не хотелось смотреть на тусклую бумагу. Он смотрел на вольные волны.

На вокзале их дожидался посланный князем навстречу экипаж. Они опаздывали немного к началу приема, но их прихода ждали: они были почетные гости. В последних лучах вечернего солнца на живописном уступе замок поблескивал своими стенами высоко над притаившейся внизу лесистой долиной. Вопреки ожиданиям, это не было мрачное родовое гнездо с глухими стенами и островерхими башнями, но, скорее, изящный дворец в стиле витиеватого барокко, со светлыми колоннадами, широкими изогнутыми лестницами и множеством приветливо глядящих окон. Одна башенка в виде легкой беседки, обрамленной колоннами, венчала его и уходила в небо тонким шпилем с фамильным символом на вершине.

Они едва успели переодеться с дороги и присоединились к нетерпеливо ожидающему их собранию. Почти сразу подали ужин. Гости переговаривались весело, но как будто чуть напряженно. Многие лица были К. знакомы. Многие были слишком печальны. И все смотрелись странно среди золота и зеркал залы. В этом обществе, слишком серьезном, чтобы быть светским, было как-то неуютно. Дам, казалось, немного, в основном пожилые супруги наиболее солидных гостей, одетые чуть старомодно и шуршащие широкими рукавами своих нарядов. Только одна или две были известны ему ради них самих. Одна из них была молчалива и незаметна, другая – вольна и красива, в узком платье и с избытком браслетов на обнаженных до локтя руках. Но чуть сбоку, по диагонали от К., неподалеку от места высокородного хозяйина, сидела еще одна молодая женщина, словно рожденная, чтобы вториться в этих светло мерцающих зеркалах. Она была закутана в легкий газ, сквозь который просвечивали собранные в высокую прическу золотистые волосы и глубокая синева платья. Окруженное светло-голубой дымкой ткани белое лицо ее было, пожалуй, немного тяжеловатым. К. не слишком хорошо понял, кто она – кажется, она приходилась родственницей знатному хозяину-греку. Возможно даже дочерью. Но если она была гречанкой, то не иначе, как происходила напрямую из величественной древней Спарты, хотя более лицо ее напоминало о суровых северянках и воинственных мореплавателях Норвегии. Твердость черт странно контрастировала с небесною нежностью ткани, но К. видел, что строгая красота этого лица приковывает к себе не только его любопытствующий взгляд. Она сидела недвижно, совершенно недвижно, с горделивою осанкой, прямыми бровями, но опустив глаза. Если бы изредка она не пригубливала тонкий бокал, поднося к нему белоснежную руку, ее можно бы было принять за изваяние. Он вздохнул. Так, увидев огромную белую чайку, показавшуюся неожиданно среди оживленных и пыльных улиц далекого от всех берегов городка, вдруг словно почувствуешь на щеках дуновенье прохлады – и крылья ее распахнутся перед глазами, как белые паруса...

К. усмехнулся своим мыслям. В первый раз ему в голову пришло наконец поэтическое сравнение, а достойно оно было, должно быть, разве что пятнадцатилетнего романтика. Нет, в лирике он не мастер. Он вспомнил книгу, которую читал в поезде. Совсем недавняя книга. Господин Г. был, наверное, старейшим из всех, кто собрался здесь. Почтение сквозило во всех словах, обращенных к нему. Взгляд его нес на себе память не менее, чем целого века. А стихи его звенели, звенели, как струна, как песня капли, как радостная отрешенность весеннего неба. Кто-то мог счесть их старомодными, но они звенели выше всякого времени. Господин Г. сидел рядом с ним. Сейчас, среди пышности залы и множества лиц, в обрамлении своих серебряных волос, уложенных и сейчас так же, как на его портретах полувековой давности,

он казался каким-то исчезающе ветхим. Но от глаз его лился свет, такой же журчащий, как его стихи.

Общество поднялось и медленно перетекло в соседнюю залу, чтобы отдохнуть в ожидании то ли музыки, то ли десерта. К. по-прежнему смотрел на лица. Он искал в них необычайность – и видел ее. Лица были неправильны, нервны и одухотворенны. Здесь собрались писатели, художники, поэты, те, кем он восхищался и с кем не чаял встретиться. Они обращались к нему, приветствовали его. Он отвечал. Он мог говорить с ними. Но ему легче было говорить с их книгами. Высокие окна залы выходили на террасу. Там, за прозрачной преградой стекло, уже опустилась ночь. Двери террасы были широко открыты. За ними, облокотившись о мраморный парапет, красавица-поэтесса в узком платье беседовала с двумя неизвестными молодыми людьми, поводя белой рукою в темном воздухе.

К. тихо пробрался к дверям и вышел. Прямо впереди над долиной стояла луна. Из залы доносился гул голосов и смех, окна ярко светились, трое у парапета беседовали оживленно. Направо лестница уходила плавным изгибом вниз. К. скользнул к ней незаметно и спустился этажом ниже, обогнув выступающую стену. И сразу тишина и одиночество охватили его со всех сторон. Свет по-прежнему падал из окон наверху, но звуки не доносились. Луна была почти не видна, однако ее матовый свет серебрил спящую внизу долину. Туда опустился густой туман. Он разлился, как дымчатое молоко. Из него выступали лишь темные купы деревьев, словно острова из клубящегося парами моря.

Некоторое время К. смотрел на эти клубы, потом закрыл глаза и погрузился в тишину. Он вспомнил Анни, Петера, служанку, старика-привратника, дымящего у подъезда, свою просторную квартиру, крошечную по сравнению с этим дворцом, и сам дворец, крошечный по сравнению с туманной долиной. Вспомнил, как они обедали с господином Г. в привокзальном кафе и как он показывал ему море, о котором не имел ни малейшего представления... Яхты в фонариках, беседку на берегу, прозрачный воздух, волны до горизонта... Странно, среди людей, собравшихся здесь сегодня, он должен был чувствовать себя счастливым. Но тогда, там, прежде, среди маленьких радостей маленького городка ему было легче. Легче говорить, легче улыбаться. Даже море, неведомой силою вдруг раскрывшееся там, было таким мирным и таким завершенным. Ему вдруг нестерпимо захотелось вернуться назад. Однако через миг желание провалилось в бездумье. Тишина окутывала его, бескрайнее, безграничное пространство тумана стелилось внизу и пропадало в темноте ночи. Казалось, взгляд уходит в бесконечность, не натываясь на горизонт, выгибается и скользит куда-то по небу, дальше, дальше...

Тихий шелест раздался сбоку. Он обернулся. Странная княжна с лицом северянки спускалась по лестнице к нему. Она сняла свой газовый шарф, который несла теперь в руках, как пух, и накинула плащ из гладкой золотой парчи. Он скрывал ее всю переливающимся широким балахоном. От переплетенной косами прически волосы спускались волною и прятались за поднятым воротником, сливаясь с ним своим золотистым блеском. Строгие губы слегка изгибались в улыбку.

– Тяготит общество, господин К.? – спросила она.

Он помедлил.

– Нет, отчего же...

– Что же грустите здесь?

– Нет, если что-то меня и тяготит, то только я сам.

– Закономерно.

Он взглянул удивленно в ответ на это бесцеремонное заявление.

– Чем лучше писатель, тем больше он себя тяготит, – пояснила она. – Вы – должно быть лучший писатель из всех, что собрались здесь.

Он пожал плечами в недоумении, потом оглядел ее с ног до головы и вновь обратился к созерцанию тумана.

– Конечно: ведь я же ничего не пишу, – произнес он саркастически.

Она махнула рукой.

– Ах, бумага – последнее, что нужно писателю!..

Он смотрел вниз, забыв про собеседницу. Ему казалось, что туман колыхается, как волны.

«Не схожу ли я с ума?»

– Здесь холодно, – она плотнее запахнула плащ и жестом пригласила его идти назад.

Широкая лестница золотилась от освещенных окон. Он не двигался.

– Не обижайтесь! – сказала она, прислоняясь к перилам.

– Нет, что вы.

– Вы молчите.

– Я думаю, как вас называть. Я не слышал вашего имени. Как вас зовут?

– Ореденелия.

– Как?

– Ореденелия. Но это неправда. Меня зовут Лариса.

– Лариса?

– Это по-гречески. Что-то вроде морской птицы.

– Догадываюсь. Вы ведь гречанка?

– Да нет.

– Я подумал: из древних.

– Нет, нет, я не гречанка.

– Нет? Кто же?

– Эфиопка.

– Хм...

– А вас зовут Ференци?

– В некотором роде.

– Синьор итальянец?

– Почти.

– Ну вот и нет. Нехорошо лгать.

– А вам?

– Я вам не лгала.

– Ореденелия...

– Жаль, что меня так не зовут.

– Почему?

– Ну – никто меня так не зовет.

– Хотите, я буду вас так звать?

– Хочу.

– Ореденелия.

– Прекрасно.

– Я буду вас так звать.

– Куда?

– Куда – звать?

– Да.

– Я не знаю. Если бы это было море, – он указал вниз. – Я пригласил бы вас плыть чуть дальше, чем горизонт. Но это туман. Вряд ли я вас здесь могу куда-то позвать. Вы хозяйка.

– Тогда я позову вас... Ференци.

– Хорошо.

– Я вас зову.

– Куда же?

– Ну вот, например... Хотите посмотреть на... Ладью Вечности?

Он наклонил голову чуть в сторону в изумлении. Но сказал: «Да».

Девушка повернулась и направилась вверх по лестнице. Шлейф плаща струился по ступеням. Они поднялись на террасу, там сияли окна. Голосов не было слышно, играла музыка. Она звучала печально и мелодично. Девушка в золоте остановилась, глядя на узорные квадраты рам и поднесла к губам палец. Казалось, она вслушивается восхищенно. Он остановился тоже. Потому взглянул на нее. Она вновь заспешила вперед. Пройдя до конца террасы, они вошли в длинную крытую лоджию, слабо освещенную двумя ночниками. Потом поднялись еще этажом выше, прошли несколько тонуших в полумраке комнат и оказались в узком коридоре. В конце его виднелся маленький проем. В нем была полная темнота. Молодая хозяйка замка заглянула внутрь и нащупала что-то в темноте рукою. Щелкнул выключатель и тусклая лампочка, свисающая на длинном проводе, загорелась посреди проема. Улыбнувшись, княжна дотронулась тонкими пальцами до провода. Лампа качнулась, и тени заколыхались на стенах. Этот червячок со светящейся головкой, подвешенный за хвост к каменному потолку, как-то странно смотрелся на фоне массивной кладки стен и поблескивающих рукавов плаща.

Стена уходила в сторону, огибая ступени винтовой лестницы. Видимо, это был вход в башню. Девушка шла вверх очень быстро, К. запыхался, поспевая за ней и не глядя по сторонам. Когда она остановилась, перед ними была небольшая площадка и дверь. На стене горел факел. Помедлив, словно в нерешительности, она взяла факел в руки и, толкнув дверь, вышла из-под тесных сводов лестницы. Здесь было помещение с округлыми стенами, украшенное гладкими полуколоннами и тяжелым бархатом в нишах, но совершенно пустое. Свет факела едва озарял его. В углах стояли масляные чаши на высоких треногах. Княжна бросила на пол свой легкий шарф и, обойдя комнату, разожгла в них огонь. Потом указала рукою на бархатный полог впереди и сказала:

– Это там.

К. подошел, откинул бархат. За ним открывался широкий проем. Там клубился туман. Мраморные колонны с пышными коринфскими капителями поддерживали крышу. Но их полированные основания казались слишком изящными по сравнению с желтоватыми, как будто истертыми веками мощными плитами пола. Эти плиты уходили за колонны в темноту. Там чуть плеснула вода. Это была пристань. У края плит в тумане проступали очертания большой ладьи. Ее бока покрывал темный узор, а нос и корма были загнуты вовнутрь в виде полураскрытых лотосов.

Девушка закрепила факел у входа и медленно приблизилась к ладье. Она провела рукою по почерневшему изгибу деревянного цветка и осторожно ступила на потрескавшийся лак досок, закрывающих дно. Ладья едва качнулась от ее шага. Девушка посмотрела на К.

– Поплывете со мной?

– Куда же?

Она махнула рукою вдаль. Там был густой туман, едва просвеченный размытым бликом лунного света.

– Долго ли плыть?

– Сорок тысяч лет.

К. оглянулся. Факел мерцал и коптил. Он вновь вспомнил книжную лавку, Анни, салатную занавеску на ветру, ребенка на самокате...

– А потом?

Девушка улыбнулась и пожала плечами.

– Ну, а потом еще сорок тысяч...

Он кивнул и тоже ступил на дно ладьи. Вода снова чуть заплескалась и затихла. Легкий порыв ветра вспугнул туман. Лунный след протянулся по ровной воде, сколько хватало глаз,

и вновь исчез под темным белесым пологом. К. поежился от этого дуновения, прядь волос упала на лоб.

– Возьмите! – Ореденелия сняла плащ и легко бросила ему.

– Ведь вам было холодно? – спросил он.

– Мне холодно там. Здесь – нет.

Она стояла на самом носу ладьи, глубокая синева платья ложилась на древний узор досок. Волосы пышными волнами упали до пола, повторяя форму сброшенного плаща.

К. закутался в плащ. Он был мягок. Казалось, можно исчезнуть в его переливах. К. нагнулся, взял со дна длинное весло и легко толкнул им камень причала. Ладья тронулась и заскользила вперед по гладкой воде. Она плыла быстро. К. положил весло и сел. Она плыла сама. Девушка в золотом треугольнике волос стояла впереди, как светоч. Он откинул голову и посмотрел вверх в серебряющую от луны темноту. Улыбнулся чуть слышному журчанию воды у борта. И через минуту ладья исчезла в тумане.

Кафе для облаков

Кафе для облаков

Как мог бы кто укрыться от незаходящего огня?

Гераклит

... Не смерть ли – сон, и мертвый спит в покое? Не видит и не слышит ничего, не чувствует, не думает, не знает... Или сон – жизнь? Сплетенье заблуждений, тень туманов, вязь летучих облаков, неясность, неизвестность.

Однажды они рассеются. И не пожалеем ли мы после, когда уже воссияет над нами свет Истины, о том, что было только бесконечной и извилистой дорогой – к ней?..

Туман окутывал все. Окутывал холодную землю, редкие кусты и влажную дорогу, поглощая свою молочную мягкостью резкий звук гравия, шуршащего от шагов в тишине. Казалось, огромное облако опустилось к самой земле, а его белесые пряди мерно кружились в застывшем воздухе, сливаясь в задумчивые фигуры. Временами из белой дымки выпадали ветви деревьев и прогалины пожухлых газонов. Но белые клочья плясали и плясали вокруг в бледнеющем сумраке, пока один из них наконец не обрел осязаемые очертания и не превратился в девушку, на фоне какого-то неясного строения облокотившуюся о железную балку сумрачного навеса. На ней было светло-серое платье, и густо выющиеся волосы ее были пепельны под стать туману.

– Привет, – сказала она, задумчиво глядя вперед.

– Привет...

Она поднялась по ступенькам и остановилась среди небрежно расставленных, чуть тронутых росой столиков пустого кафе.

– Ты кто? – спросила она, прошелестев между ними своим платьем.

– Не знаю...

– Хочешь чего-нибудь? Кофе или шоколаду?..

– Не знаю... – пришедший чуть пожал плечами. – Должно быть...

Девушка подошла к стоящему в углу автомату и, стукнув рукою по его неказистому боку, нажала на кнопку. Автомат вздрогнул, загорелся разноцветными огоньками и забулькал натужно. Она вытащила матовый стаканчик, в котором до краев пузырилась лиловато-воздушная пена.

– Как тебя зовут?

– Я не знаю.

– Ты плохо выглядишь.

– Да, должно быть. Я чувствую себя, как... как упавший с десятиэтажного дома... в какой-то пух. Я ничего не помню...

– Да, бывает. Похоже, – отозвалась девушка сочувственно.

На минуту воцарилось молчание.

– Скажи вот... А кто я – на вид? Мужчина или женщина?

Отвлеченная уже, казалось, на свои раздумья обительница кафе безо всякого удивления подняла взгляд и посмотрела внимательно, потом покачала головой.

– Нет, так трудно сказать, – отозвалась она безмятежно.

– Жаль...

– А как ты чувствуешь?

Пришедший рассеянно улыбнулся.

– Нет, не знаю.

– Ну вот... – девушка вдруг стала быстро искать что-то в кармане, обшитом белым кантом и с большой глазастой пуговицей посередине, и вытащила наконец маленькое складное зеркальце. – Посмотри, может, вспомнишь?

Она протянула его собеседнику. Из серебристого овала взглянуло вытянутое, грубовато сложенное и очень бледное лицо с запавшими глазами, окаймленное спутанными прядями темных волос, падающих почти до плеч. Неказистая, но худая и длинная шея торчала из полурасстегнутого воротника черной рубашки. Ничего определенного.

– Да ведь и не важно, – девушка встала, забирая зеркальце, и прошла между столов до ступенек, ведущих в туман. – Ты же облако. Это кафе для облаков.

– Облако?.. А ты – тоже?

– Конечно, – она указала легкой рукою вдаль, на серую дымку. – Конечно. Вот это.

– А...

Они снова помолчали. Где-то хрустнула ветка, но звук утонул в тишине.

– Просто не знаю, – тень улыбки пробежала по бледному лицу. – Да, не знаю, как о себе говорить... Я пил шоколад... Я пила шоколад... «Пило» – так ведь странно?

Девушка засмеялась звонко – так звонко, как только могло отдаться в той дымке.

– Надо говорить: «Я пью»! Хочешь еще?

– Быть может... Он вкусный и теплый. Но у меня ничего...

Она махнула рукою, снова подошла к автомату и стукнула по железу. Машина вздрогнула опять, задребезжала и заворчала.

– Может, будешь пока «он»? Мне бы было забавнее!

Собеседник кивнул умиротворенно. Девушка села напротив и подперла ладонью щеку.

– А тебя как зовут? – спросил он.

– Меня? Называют Дженни...

– Дженни? Как хорошо... Облако Дженни. Как будто пушистый котенок.

Она улыбнулась и откинула назад непослушную кипу своих волос.

– Назови меня тоже как-нибудь?.. – попросил он.

– Тебя? – она задумалась. – Да нет. Зачем мне тебя звать, ты же здесь? – она обернулась на туман и посмотрела внимательно, как будто нарочно вглядываясь в его молоко. – Я еще побуду с тобой пока. Пока солнце не взойдет.

Она вновь обратилась лицом к своему собеседнику. Он глядел почти без удивления. С безразличием даже. Но пальцы его, казалось, дрожали, теребя бумажный стаканчик. Они едва двигались.

– Холодно?

– Не знаю...

– Еще шоколаду?

– Нет... Тяжело. Голова болит... – он поднес руку к волосам и едва их коснулся.

– Быть может, пройтись?

Они встали и вышли на гравиевую дорожку. Туман то ли поднялся выше, то ли стал реже. Деревья выступали темными пятнами по сторонам. Дорожка шла в гору: там воздух был яснее, и сумрачное еще небо как будто бы чуть золотилось где-то далеко вверху.

Навстречу кто-то шел, кто-то плясал в тумане. Полная и легкая, как вата, в короткой и пышной белой юбке, вся в лентах и в панталонах с бантами, как кукла или клоунесса, фигура двигалась, подпрыгивая беспечно и то ли подбрасывая над собою две огромные связки желтых и белых воздушных шаров, то ли сама влекомая ими.

Она остановилась прямо перед идущими и, высвободив пальцы из держащих шары нитей, указала вперед.

– Кто этот долговязый, – спросила она неожиданно грубо и хриповато, и рыхлое лицо ее скривилось надменно.

– Это мой друг. Он упал с большой высоты, – тихо, но твердо произнесла Дженни.

– А-а-а... Ха! Темная тучка, оторвавшаяся от гряды, из которой встает солнце. Тонкая стрелка, прорезающая солнце. Ты исчезнешь, когда оно засияет в полную силу. Испаришься без следа. И всей жизни тебе осталось не больше, чем два часа.

Она засмеялась громко и развернулась резко, подпрыгнула – и тут, поджав ноги, полетела над землей вдоль уходящей вниз дорожки.

Он смотрел задумчиво.

– Это правда? – спросил он.

– Не знаю, – отозвалась Дженни. Она достала из кармана платок и поднесла к его лбу. – Быть может.

На платке остался красный след.

– Тебе бы надо в больницу...

Они вышли за ограду парка. Улица была тиха и дышала влагой. Какие-то дома спали вдалеке. Асфальт, пропитанный туманом, был мягок и матов, и только белые полосы гладких трамвайных рельс струились по нему, пересекали его, расходясь и сплетаясь во множестве, и загибаясь на повороте, как серебряные серпы. Там, за ними, в сумраке деревьев мерцала стеклянная остановка. Они сели на металлическую скамейку под ее прозрачным грибком. Было тихо. Сзади трепетал сумрак. Но через дорогу сквозь ажурную аллею просвечивало небо и отбрасывало светлые блики на дорогу. Они становились все длиннее и все светлее.

– Где же трамвай? – прошептала Дженни и придвинулась ближе к своему спутнику.

Издали долетел легкий шум. Бодрые шаги гулко отдались в тишине. Несколько человек в снежно-белых футболках и шортах показались из-за поворота и мерно пробежали мимо, неся в руках над собою длинные треугольные флаги, расшитые зачем-то серебряною фольгой. Их тени медленно скользили по заливаемой светом дороге.

Дженни всматривалась вдаль, напряженно вытягивая шею.

– Где же трамвай? – повторила она жалобно, почти хныча.

– Как красиво, – промолвил он. – Как красиво...

– Где же он?.. Он никогда не придет, наверное... Тебе плохо?

– О нет, нет... Мне хорошо. Хорошо наконец-то... Я не хочу умирать.

Наконец дребезжащий колокольчик зазвенел в тумане, и шумная громада трамвая, раскачиваясь и дрожа, вдвинулась в улицу и подползла, охая, к остановке.

Трамвай был пуст, совершенно пуст. Он ехал медленно. Он вздрагивал и шатался, подпрыгивал и звенел. Но движение его, казалось, становилось все быстрее и все плавнее. Унылые груды деревьев и темные силуэты домов исчезли за окнами. Впереди маячили какие-то гигантские небоскребы. Их бесчисленные окна мелькали, мерцали, отсвечивая и отражая небо.казалось, они повторяли расчерченный узор мостовой. Искры лужиц и края темных лунок пробежали по ним. Прозрачные и легкие, они гордо врезались в источающее свет небо, взлетали в него или таяли в нем.

Трамвай ехал теперь по отвесной стене, все выше. Отсветы, все более и более золотистые, мелькали среди мутных окон.

Дженни сжимала холодную и недвижимую руку друга и прижималась к его плечу. Он смотрел вверх.

– Ничего, ничего. Уже скоро... Скоро... Скоро... – говорила она.

– Как хорошо...

– Мы скоро приедем, приедем... Не умирай. Я прошу тебя, не умирай.

– О нет, нет...

Он улыбался, откинув голову. Свет, яркий и вездесущий поглощал все. Все таяло, все растворялось в этом свете. Все готово было захлебнуться им и исчезнуть в разлившемся мареве. Он улыбался. Как приятно, как хорошо было умирать...

– О нет, нет... – повторил он.

Там, за стеклами, уже не было видно тумана. Темные облака окрасились золотом и уступили место сиянию. Они горели уже ярче неба. Несколько темных полосок еще напоминали о сумраке утра. Но луч пронзил их, и еще, и еще, и наконец весь солнечный диск поднялся над ними, заслонив и тучи, и землю, и небо, и стекла трамвая, и окна, и стены. Его лучи засияли победно. И все исчезло.

Пациентка на больничной койке открыла глаза. Темные тяжелые веки поднялись из-под примятых повязкой волос. На вытянутом, бледном лице дрогнули напухшие и растрескавшиеся губы. Медсестра в заглаженном халате и с надменным взглядом резко одернула одеяло и огрубевшим от скуки жестом опустила на него перебинтованную руку больной. С другой стороны постели врач с прыгающей бородкой глядел, казалось, чуть насмешливо, и какая-то женщина вытирала глаза и всхлипывала, наклоняя низко то и дело гладко зачесанную седую голову.

– Клара, Клара, зачем ты хотела убить себя, Клара?.. – чуть слышно шептала она.

– Ну что, дорогая моя, – бодро возгласил врач. – Очнулись? Хорошо, хорошо. Вы в рубашке родились, дорогая моя! Благодарите те пыльные мешки, что сгрузили под вашими окнами – пролети бы вы чуть мимо – и ваш романтический порыв кончился бы куда плачевнее!

– Клара, Клара... – вновь раздался чуть слышный шепот.

Девушка хотела что-то сказать, казалось, но лишь плотнее сжала губы.

– Ай-ай-ай, – продолжал врач. – Нехорошо! Посмотрите на свою мать! Как она из-за вас страдает! Да, понимаю. Депрессия? Меланхолия? Эх, молодость, молодость, юные мечты... А все погода виновата. Эти затяжные дожди и вечные туманы... Но – ничего. Сегодня солнце. Весна наконец наступила. Смотрите – и поправляйтесь!

Он подошел к окну, с лязгом раздвинул шторы и открыл створки. Бодрый уличный шум ворвался в полумрак палаты.

– Весна, дорогая моя. Наконец-то весна! Любуйтесь!

Седоволосая женщина вновь всхлипывала в углу.

– Ничего, ничего, – обернулся к ней врач. – все пройдет, не бойтесь. Ей сказочно повезло: упасть с такой высоты – и отделаться сотрясением мозга да парой ушибов!.. Второй раз родились, – назидательно подсказал он пациентке. – Цените. А второй раз прыгать... Нет, тут второй раз исключен, – он сказал это твердо и вновь обратился к матери. – Пойдемте. Пусть отдохнет. Больше ни о чем не беспокойтесь.

Они вышли. Улица шумела внизу. Клара недвижно смотрела на окно. Синее небо сияло над ярко освещенной крышей противоположного дома. Она все поняла: она умерла. Умерла. И всей-то жизни, которую помнить, было два часа...

Это сияние теперь никогда не угаснет. Эти очертания никогда не утратят своей умопомрачительной ясности. Ни одно облако больше не скроет этот огненный шар там, в вышине. Никакая дымка не умерит его палящего света. Это солнце никогда не зайдет. Никогда не зайдет...

Всезнающая

Всезнающая

В утренний час доктор Б. сидел в приемной небольшой клиники и с интересом изучал разложенные перед ним по столу схемы. Собственно, он зашел сюда в свой выходной только ради просьбы принять участие в некоем консилиуме по поводу состояния одного больного, однако, как всегда, что-то задерживалось и откладывалось, и, в ожидании обосновавшись здесь, поскольку кабинет его был занят, он с удовольствием оседлал своего давнего конька: изобретенные и постоянно пополняемые им головоломки и задачи, которые он намеревался использовать для изучения странностей непредсказуемого мышления своих больных.

Было пусто и тихо. Секретарша ушла куда-то, оставив его совсем одного. Солнце мягко просвечивало сквозь матовые жалюзи, золотя край фикусового листа и оставляя на полу две острые светлые полосы. Шум подъехавшей машины отдался вдалеке, спустя немного времени тихо звякнул колоколец, и в приемную вошли двое – мужчина и женщина. Они остановились у двери. Мужчина был высок и мрачен, его крупный лоб хмурился, отгоняя жидкую и непослушную прядь бледно-серых волос, а взгляд был темен. Женщина сжимала рукою меховой воротник, ее волосы, выглядывающие из-под короткой вуали, были плотно приглажены и черны, а лицо было прекрасно. Да, оно было совершенно. Большие черные глаза, едва заметно подведенные, были окаймлены длинными ресницами, яркие губы изящно гармонировали с маленькой алой шляпкой. И оно было совершенно белым, белым, словно бы алебастровым, и неподвижным, как у изваяния. Ни одна тень какого-либо душевного движения не пробежала и как будто бы не могла пробежать по этим тщательно выведенным чертам. Абсолютный холод. Все еще сжимая тонкою рукою мех, она разомкнула, наконец, свои прекрасные губы и произнесла как будто бы с легким акцентом, но певуче:

– Можем ли мы видеть профессора?

Секретарша, вернувшаяся на звонок, подняла высокие брови:

– Профессор не принимает сегодня... – начала было она, но осеклась, столкнувшись взглядом с мрачными глазами безмолвно стоящего чуть позади изысканной посетительницы мужчины. – Я спрошу, – сказала она и набрала номер.

– Господин Фредрик Ф-эн и его супруга просят принять их, – добавила гостя, по-прежнему не меняясь в лице.

Доктор Б. вздрогнул. Фредрик Ф-эн! Но это же физик – великий ученый – светило!

Профессор вошел – нет, почти вбежал, раскрывая радушные руки. Профессор был директором этой клиники. Он был также давним приятелем Б. и еще известным своими исследованиями врачом, и был некогда знаком с Ф-эном и даже дружен с ним.

– Очень рад – очень рад видеть вас... Позвольте, мадам... Добрый день!.. Однако, что привело вас сюда?..

Попутно кивнув коллеге, которого только теперь краем глаза заметил, он поспешно увлек гостей за собою.

Да, конечно, профессор был известен, и сам былой однокашник его, доктор Б., был весьма видным специалистом, и клиника эта имела высокую репутацию – однако не каждый день, по правде, на пороге психиатрической лечебницы, в час, когда даже на улицах еще уютно и тихо, появляется светило науки.

Впрочем, отнюдь не это обстоятельство увлекло собой мысли доктора Б. Он еще и еще раз вспоминал облик женщины, абсолютный и неживой, рядом с обликом ее мужа. Оттененное холодным светом этих каменных черт лицо последнего, искаженное и полное тяжелой страсти, казалось лицом маньяка. Это странно для ученого? Да нет. Ф-эн всегда был яростен и порывист. Он был еще не стар, но выглядел изможденным, много старше своих лет. Была ли

она молода? Даже этого невозможно было понять под непроницаемым слоем холода – или краски? Кто она, безжизненная и прекрасная, как богиня? Зачем великому ученому такая жена? И зачем они пришли сюда? – наконец возник в голове Б. закономерный вопрос. Такой безумной была эта пара, что последнее из всего приходящего на ум спросить о них – было: что им понадобилось в лечебнице для безумных.

Доктор Б. отвлекся от этих размышлений и вернулся к схемам. Вскоре он почти забыл про пришедших. Секретарша ерзала на стуле и поджимала губу. Ей тоже хотелось поговорить. Однако у него не было настроения. Он запутался в таблицах. Мысли его рассеялись. В конце концов, сколько можно ждать? Он встал и направился по коридору разведать обстановку.

Навстречу ему по лестнице спешил профессор.

– Ах, друг мой, – воскликнул он. – Я так рад, что вы здесь! Я бы хотел позвать вас... пригласить вас... – он схватил коллегу за локоть и потащил вверх. – Да, это... Это же знаменитый физик, вы знаете? Лауреат Нобелевской премии, вы знаете? Потрясающий ум! И такой странный случай... – быстро говорил он своим высоким голосом, спеша к кабинету. – Какие-то припадки – приступы ярости и потом вдруг – ненадолго – полное слабоумие... Беспамятство... Это началось не так давно... Пока кратковременно, но есть тенденция... Они говорят так... Это надо исследовать!.. Я пока не могу определить точно, но, возможно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.